

Вассиана:¹ если в заключительной части рассказа осмеиваются греческие и другие восточноевропейские государи, которые убежали от турок „с имени многыми и з женами и з детьми в чюжие страны“, то в послании Вассиан предостерегает Ивана III от той же участи: „Не обратися вспять, не речи в сердце своем: «Жену имею и дети и богатество многое, — аще и землю мою возмут; то инде вселюся!», но без сомнения вскочи на подвиг!“²

Из всех специально ростовских известий, довольно обильно представленных в Типографской летописи, в Ермолинской мы обнаруживаем только одно: перечень ростовских владык под 1396 годом. Указанный перечень никак не может считаться характерной особенностью этих двух летописей — он встречается во всех русских летописях XV—XVI веков, включая московские и новгородские; но в Ермолинской и Типографской летописях список владык не заканчивается архиепископом Григорием, занявшим престол в 1396 году, а продолжается дальше: в Ермолинской до архиепископа Вассиана Рыло, а в Типографской до Тихона. Шахматов именно в этих дополнениях к перечню владык видел доказательство того, что Ермолинская и Типографская летописи восходили к ростовским владычным сводам второй половины XV века: Ермолинская — к своду Вассиана (1467—1481); Типографская — к своду Тихона (1489—1505).³ Однако нам представляется, что само по себе такое дополнение списка владык еще не решает вопроса о происхождении летописи: ростовские владыки, наряду с новгородскими, были важнейшими иерархами русской митрополии (они носили звание архиепископов), дополнить перечень их имен без труда мог и летописец, писавший вне Ростова; помимо этого, даже заимствование одного известия еще не говорило бы о близости ко всему своду в целом.

Вторым доказательством ростовского происхождения Ермолинской летописи Шахматов считал известие 1463 года об обретении мощей ярославских чудотворцев. Известие это в Ермолинской летописи, действительно, изложено довольно своеобразно: заметив с явной иронией, что новые святые явились „не на добро всем князем ярославским — простилися они со всеми своими отчинами навек“, летописец позволяет себе кощунственную насмешку и над самими чудотворцами, именуя „новым чудотворцем“ великокняжеского наместника Ивана Сущего,

¹ ПСРЛ, XXIV, стр. 202; VI, стр. 227.

² Возражения К. В. Базилевича против мнения А. А. Шахматова, связывавшего летописный рассказ об Угре с ростовским архиепископом Вассианом (К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 141—144), основываются на недоразумении. Шахматов („Обозрение...“, стр. 295—296) считал ростовским рассказом об Угре рассказ, читающийся в Типографской летописи, а не рассказ Софийской II—Львовской летописей, как понял К. В. Базилевич. В рассказе Типографской летописи читается полностью заключительное обращение к „сынам Русским“, но рассказ этот — вполне единый и последовательный, в то время как в Софийской II (и Львовской) соединены в сущности два разных рассказа, откуда и происходят „повторения и противоречия“, отмеченные в этом рассказе К. В. Базилевичем. Но в Типографской летописи нет ни одной из тех „хронологических и фактических погрешностей“ (двухнедельное пребывание в Красном сельде и т. д.), которые, по мнению К. В. Базилевича, делают невозможным написание этого рассказа современником и очевидцем.

³ А. А. Шахматов: 1) Ермолинская летопись... стр. 20—23; 2) Обзорение... стр. 146—150 и 291. Уваровский список № 188 (совпадающий с Ермолинской летописью до 1417 г.), в котором перечень владык доведен только до Трифона, Шахматов считал отражением свода архиепископа Трифона (1462—1467); в Софийской II и Львовской, где список доведен до Тихона, он видел несколько иное отражение того же ростовского свода Тихона, что и в Типографской.